

Дж. М. Кутзее

ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ МИХАЭЛА К.

*Лауреат Нобелевской премии
по литературе 2003 года*

В переводе Ирины Архангельской, Юлии Жуковой

Джон Максвелл Кутзее

Жизнь и время Михаэла К.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70005166

Жизнь и время Михаэла К.:

ISBN 9785005802255

Аннотация

Вокруг царят голод, страдание и смерть. Маленький человек Михаэл К., на которого косо смотрят из-за его заячьей губы, везет обессиленную мать в родные земли. Она слишком измучена, чтобы выдержать путешествие в жестяной тачке – смерть приходит за ней прямо на дороге, и Михаэл остается в несправедливом мире совсем один. Тюрьма, пытки и трудовой лагерь – лишь малая часть того, с чем ему придется столкнуться. Но, несмотря на хаос, царящий вокруг, Михаэл идет своим путем к покою и свободе.

«Жизнь и время Михаэла К.» – оглушительная история о целой эпохе, в которой каждому отведено место проигравшего или победителя. Роман об одиночестве, отчаянии и стойкости.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дж. М. Кутзее

Жизнь и время Михаэла К

LIFE AND TIMES OF MICHAEL K

© by J. M. Coetzee, 1983

By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.

350 Fifth Avenue, Suite 5300

New York, NY 10118 USA

© Архангельская И., перевод на русский язык, 1989

© Жукова Ю., перевод на русский язык, 1989

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Эвер-
бук», Издательство «Дом Историй», 2023

*Раздор – отец всем общий
и всем общий царь,
и одних богами объявляет он,
а других – людьми,
одних рабами сотворяет он,
а других – свободными.*

Гераклит Эфесский
Фрагмент 23 (53)
(Перевод С. Муравьева)

I

Первое, что заметила повитуха в Михаэле К., помогая ему выбраться из материнской утробы на белый свет, это заячья губа. Губа отворачивалась, точно нога улитки, левая ноздря зияла. Заслонив на минутку младенца от матери, повитуха сунула палец в крохотный бутончик рта и возблагодарила судьбу, что нёбо на месте.

Матери она сказала: «Радуйся, такие приносят в дом удачу». Но Анне К. не понравились рот, который не закрывался, и розовая, вывернутая наружу губа. Страшно было подумать, что росло в ней все эти месяцы. Младенец не мог сосать грудь и плакал от голода. Когда не помогла и бутылочка, Анна стала кормить сына с ложки, раздражаясь, если он закашливался, расплескивал молоко и плакал.

– Подрастет, и рот закроется, – пообещала повитуха.

Но губа не опускалась, может, и опустилась немножко, но не до конца, и нос тоже не выправлялся.

Анна брала мальчика с собой на работу и продолжала брать, когда он уже вышел из младенческого возраста. Она держала его подальше от сверстников – их перешептывания и улыбки причиняли ей боль. Год за годом Михаэл К. сидел на одеяле, смотрел, как мать надраивает чужие полы, и учился молчанию.

Из-за увечья и оттого, что соображал он медленно, Миха-

эла после короткого испытательного срока забрали из простой школы и поместили в приют «Норениус» в Форе, где он вместе с другими обездоленными судьбой, калечными и увечными детьми провел на казенном содержании остальные годы своего детства, постигая науку чтения, письма, счета, учился подметать полы, заправлять постель, мыть посуду, плести корзины, а также столярничать и работать в саду. В пятнадцать лет, успешно завершив курс обучения в приюте, он пополнил в качестве садовника категории 3 (б) ряды муниципальной службы «Парки и сады Кейптауна». Тремя годами позже он оставил «Парки и сады» и после нескольких недель безработицы, которые он провел, лежа на кровати и разглядывая свои руки, нанялся ночным дежурным в общественные уборные на Гринмаркет-сквер. В одну из пятниц, когда он поздно ночью возвращался домой, в метро на него напали двое неизвестных, избили его, забрали часы, деньги и ботинки и бросили на платформе – оглушенного, с ножевой раной на руке, с вывихнутым большим пальцем и двумя сломанными ребрами. После этого происшествия он ушел с ночной работы и вернулся в «Парки и сады», где со временем стал садовником первой категории.

Губа делала свое дело – знакомых женщин у К. не было. Приятнее всего он чувствовал себя в одиночестве. Обе работы давали ему относительную уединенность, хотя в уборных его угнетал яркий неоновый свет, от которого белые кафельные плитки блестели еще ярче, и совсем не было тени.

Он любил парки с высокими соснами, где вдоль аллей цветут неяркие лилии. Случалось, в субботу он не слышал выстрела, возвещающего полдень и окончание работы, и продолжал работать до вечера. В воскресенье он долго спал, а вечером навещал мать.

Однажды поздним июньским утром, на тридцать первом году жизни, Михаэл К. получил известие. Он сгребал листья в парке Де Ваал. Известие, которое дошло к нему через третьи руки, было от матери: ее выписали из больницы, и она просит его прийти за ней. К. отнес в сарай грабли и поехал на автобусе в больницу Сомерсет, где и нашел мать на скамейке перед входом: она сидела и грелась на солнышке. Мать была полностью одета, только босиком – туфли стояли рядом со скамейкой. Увидев сына, она расплакалась, прикрывая рукой глаза, чтобы не заметили другие пациенты и посетители.

Анна К. уже давно хворала: страшно распухали ноги и руки, потом начал пухнуть и живот. Когда ноги совсем отказали и замучила одышка, ее взяли в больницу. Пять дней Анна пролежала в коридоре среди избитых, с ножевыми и огнестрельными ранами мужчин, которые так стонали и кричали, что она совсем не могла спать, а сестры не обращали на нее никакого внимания, где уж им было возиться со старухой, когда вокруг так страшно умирали молодые мужчины. Сразу же по поступлении Анне дали кислород, а потом начали делать уколы и давали таблетки, чтобы согнать отеки. Судна было не допроситься – санитарки поблизости никогда не

оказывалось. Халата Анне не выдали. Однажды, когда она, держась за стенку, брела к уборной, ее остановил старик в серой пижаме и, грязно выругавшись, расстегнул ширинку. Потребности тела превратились для Анны в источник мук. Сестрам она говорила, что принимает пилюли, но часто их обманывала. Два дня спустя одышка уменьшилась, зато ноги стали так сильно зудеть, что она подсовывала руки под себя, чтобы не чесаться. На третий день она начала проситься домой, но просила, наверное, не того, кого нужно. На шестой день по щекам ее покатались слезы – от радости, что она вырвалась из этого ада.

Михаэл К. попросил у дежурной кресло-каталку, чтобы отвезти мать, но ему отказали. Взяв в одну руку сумочку и туфли, а другой рукой поддерживая мать, он провел ее пятьдесят шагов до автобусной остановки. Там стояла длинная очередь. Приклеенное к столбу расписание обещало автобус через каждые пятнадцать минут. Они прождали час; тени стали длинными, подул холодный ветер. Стоять Анна не могла, она села на тротуар и привалилась к стене, вытянув вперед ноги, как нищенка, а Михаэл держал место в очереди. Подошел автобус, однако все сидячие места в нем были заняты. Обхватив мать, чтобы она не повалилась, Михаэл крепко держался за поручень. Они добрались до ее комнатки в Си-Пойнте уже после пяти.

Анна К. восемь лет проработала служанкой у бывшего владельца трикотажной фабрики, удалившегося на покой, и

его жены, которые занимали в Си-Пойнте пятикомнатную квартиру с видом на Атлантический океан. По условиям договора она приходила в девять утра и работала до восьми вечера, с трехчасовым перерывом в середине дня. Работала попеременно пять и шесть дней в неделю. Ей предоставлялись двухнедельный оплаченный отпуск и комната в том же доме. Жалованье было приличное, хозяева – люди спокойные, работу найти было нелегко, и Анна К. не жаловалась на жизнь. Но год назад у нее стала кружиться голова и, когда она наклонялась, что-то сдавливало в груди. Потом началась водянка. Теперь она только готовила для Бёрманнов, платили ей на треть меньше, а на уборку наняли женщину помоложе. Анне К. позволили остаться в ее комнатухе, которая была в распоряжении Бёрманнов. Водянка усиливалась. Анна К. уже не могла работать и несколько недель перед тем, как попала в больницу, пластом пролежала в постели. Ее мучил страх, что Бёрманны перестанут ее жалеть.

В ее комнатухе под лестницей на вилле «Лазурный берег» когда-то предполагалось установить кондиционер, но его так и не установили. На двери остался знак: красный череп с перекрещенными костями и надпись на английском, африкаанс и зулу: «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!» Ни электрического света, ни вентиляции не было, пахло затхлостью. Михаэл отпер дверь и пропустил мать вперед, засветил свечу и, пока она раздевалась, чтобы лечь в постель, подождал в коридоре. Этот первый вечер после ее возвращения и все

остальные вечера он провел с ней: подогревал ей суп на керосинке, старался поудобнее ей все устроить, делал все необходимое, а когда она начинала плакать, гладил ее по руке и успокаивал. В один из вечеров автобусы от Си-Пойнта не шли вовсе, и ему пришлось остаться у нее на ночь; он лег спать на тюфяке, накрывшись своим пальто. Среди ночи он проснулся от холода – промерз до костей. Теперь уж заснуть он не мог и уйти тоже не мог – был комендантский час, он до рассвета просидел на стуле, трясаясь от холода и слушая стоны и храп матери.

Михаэлу К. было неприятно такое их тесное соседство по вечерам в маленькой комнатке. Вид распухших ног матери очень его тревожил, и он отводил глаза, когда помогал ей слезать с постели. Бока и руки у матери были в расчесах, она иногда даже надевала перчатки на ночь. Но он не уклонялся от выполнения того, что считал своим долгом. Вопрос, над которым он когда-то раздумывал в приюте «Норениус», спрятавшись за сараем для велосипедов, а именно: зачем он вообще родился? – получил ответ: он родился, чтобы ухаживать за своей матерью.

Как ни успокаивал Анну К. сын, она не могла избавиться от мучившего ее страха: что с ней станет, если она лишится комнаты? Ночи среди умирающих в коридорах Сомерсетской больницы ясно ей показали, как безразличны все к старой женщине, страдающей такой неприглядной болезнью, да еще в военное время. Работать она не могла и считала, что

только доброта Бёрманнов – но вот надежна ли она? – да преданность не больно-то сообразительного сына могут спасти ее от голода и трущоб, а уж на самый крайний случай у нее есть сбережения: в чемодане, под кроватью, в сумочке лежало два кошелька, один с новыми деньгами, другой – со старыми: в свое время она поостереглась обменять их, и теперь они ничего не стоили.

Поэтому, когда Михаэл как-то вечером стал рассказывать, что у них в парке сворачивают работу, Анна К. всерьез задумалась над тем, о чем до сих пор лишь смутно мечтала: не покинуть ли им город, который не сулит ей теперь ничего хорошего, и не вернуться ли в тихий край ее детства?

Анна К. родилась на ферме в о2круге Принс-Альберт. Отец у нее был беспокойный – он пил, и потому, когда она была маленькая, семья переходила с фермы на ферму. Мать стирала и кухарничала; Анна ей помогала. Потом они поселились в маленьком городке Аудсхорн, там Анна какое-то время ходила в школу. А когда она родила своего первенца, то перебралась в Кейптаун. Родился второй ребенок, от другого отца, потом третий, который умер, потом Михаэл. Годы до того, как они переселились в Аудсхорн, запомнились Анне как самые счастливые в ее жизни – все были добрые и сытые. Она помнила, как, бывало, сидела в пыли в курином загоне, а вокруг нее квохтали и скребли когтями землю куры; помнила, как отыскивала под кустами яйца. И сейчас зимними вечерами, лежа на постели в душной комнатушке, слу-

шая, как барабанит по ступенькам крыльца дождь, она мечтала укрыться от равнодушной жестокости, от набитых битком автобусов, очередей за продуктами, наглых лавочников, от воров и нищих, сирен среди ночи, комендантского часа, от холода и сырости и возвратиться в сельскую тишь: если ей суждено умереть, пусть она умрет под голубым небом.

В плане, который она изложила Михаэлу, о смерти не было упомянуто. Она предложила ему самому уволиться из парка, покуда его не уволила администрация, и поехать с ней вместе на поезде в Принс-Альберт, где она снимет комнату на то время, пока он не подыщет работу на ферме. Дадут ему там хорошее помещение – она поселится с ним, будет вести хозяйство, нет – он будет приезжать к ней на выходные. А чтобы убедить его в серьезности своих намерений, она вытащила из-под кровати чемодан и на его глазах пересчитала содержимое кошелька с новыми деньгами, заверив, что как раз для этой цели она их и копила.

Она ожидала, что Михаэл спросит: неужели она надеется, что маленький городок в сельской местности примет двух чужаков, из которых одна – больная старуха? У нее даже был наготове ответ. Но Михаэл ни на мгновение не усомнился в ее плане. Все годы пребывания в «Норениусе» он был убежден, что мать поместила его туда для какой-то особой цели, которая вначале была ему неясна и открылась лишь потом; вот и сейчас он сразу признал мудрость ее решения и не задал ей ни одного вопроса. Не разложенные на одеяле деньги

видел он перед собой, а бескрайний вельд, белый домик, из трубы которого вьется дым, а у раскрытой двери его встречает после долгого трудового дня здоровая и веселая мать.

Утром Михаэл не пошел на работу. Затолкав по пачке банкнот в каждый носок, он отправился на железнодорожный вокзал. В билетной кассе главных линий кассир сказал, что он с удовольствием продаст ему два билета до Принс-Альберта или до ближайшей к нему станции («Принс-Альберт или Принс-Альфред?» – переспросил кассир), однако К. не сможет сесть в поезд, если вдобавок к заказанным билетам не будет иметь разрешение на выезд от своего полицейского участка. Раньше чем на восемнадцатое августа он ему билеты зарезервировать не может, то есть ждать надо два месяца; что же касается разрешения, то его дают только в полиции. К. очень просил его зарезервировать билеты на более близкое число, но напрасно; состояние здоровья его матери не дает ему никаких преимуществ, сказал кассир, напротив, он советует ему вовсе не упоминать о ее болезни.

С вокзала К. отправился на Каледон-сквер, где простоял два часа в очереди позади женщины с хнычущим младенцем. Ему выдали по два бланка – на мать и на него.

– Подколите к голубым бланкам заказ на билеты и отнесите все в комнату Е-5, – сказала женщина в полицейской форме, сидящая за конторкой.

Когда зарядили дожди, Анна К. подсунула под дверь по-

лотенце, чтобы вода не затекала внутрь. Комнатка пропахла «Деттолом»¹ и тальком.

– Сижут тут, как жаба под камнем, – прошептала Анна К. – До августа мне не дожить.

Она с головой укрылась одеялом и замолчала. Михаэл посидел немного рядом с ней, потом почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он пошел на угол в лавку. Хлеба там не было.

– Ни хлеба, ни молока, – сказал продавец, – приходи завтра.

К. взял печенья и сгущенки, потом долго стоял под тентом и смотрел, как сыплется с неба дождь. На следующий день он отнес бланки в комнату Е-5. Разрешение будет выслано по почте, сказали ему, после того как полиция в Принс-Альберте просмотрит бланки и даст согласие на въезд.

Он пошел в парк Де Ваал, где, как он и ожидал, ему было сказано, что деньги он получит только в конце месяца.

– Вообще-то это не важно, – сказал он бригадиру, – вы платят, не вы платят, мы с матерью все равно уедем.

Ему вспомнилось, как мать навещала его в «Норениусе». Иногда она привозила ему зефир, иногда шоколадное печенье. Они уходили вдвоем на площадку для игр, а к чаю возвращались в зал. В дни посещений мальчики надевали парадные рубашки цвета хаки и коричневые сандалии. У некоторых ребят родителей вообще не было, других просто забы-

---

¹ «Деттол» – антисептические средства для уборки.

ли. «Отец у меня умер, а мать работает», – говорил К.

Он расстелил в углу материнской каморки одеяла, положил подушки и сидел там вечерами, прислушиваясь к дыханию матери. Она теперь почти все время спала. Иногда он тоже засыпал, сидя, и пропускал последний автобус. Утром он просыпался с головной болью. Днем бродил по улицам. Жизнь, казалось, замерла – они ждали разрешения, а оно все не приходило.

В одно из воскресений он побывал в парке Де Ваал, сломал там замок на сарае, где хранилось садовое оборудование, взял кое-какие инструменты и тачку и увез все это в Си-Пойнт. Расположившись в проулочке позади дома, он разобрал старую тачку на части, сколотил из досок сиденье и прикрутил к нему проволокой спинку. Затем стал уговаривать мать поехать прогуляться.

– На свежем воздухе тебе сразу станет лучше, – говорил он. – И никто нас не увидит: уже шестой час, на набережной пусто.

– Увидят из окон, – отвечала мать. – Не хочу я быть посмешищем.

На следующий день она сдалась. Надела пальто, шляпу и, с трудом передвигая ноги в шлепанцах, вышла в сгущающиеся серые сумерки и позволила Михаэлу усадить ее на тачку. Он перевез ее на другую сторону Бич-роуд и покатил по променаду. Никого на набережной не было, только какая-то пожилая пара выгуливала пса. Крепко вцепившись в края си-

дняя, Анна К. вдыхала холодный морской воздух; сын провез ее ярдов сто, постоял немного, чтобы она посмотрела, как плещутся о скалы волны, проехал еще сто ярдов, опять остановился, потом повез мать назад. Тачка оказалась очень шаткой, а мать – очень тяжелой, и это его огорчило. Один раз тачка накренилась и мать чуть не съехала на землю. «Тебе полезно подышать свежим воздухом», – сказал он матери. На следующий день зарядил дождь и они не выходили из дома.

Он стал обдумывать, как бы ему соорудить коляску на велосипедных колесах, приладив к ним ящик со стенками; вопрос был в том, где достать ось.

В один из последних дней июня, под вечер, мчавшийся на большой скорости по Бич-роуд военный джип сбил парнишку, который переходил дорогу: тот пролетел несколько метров и врезался в машины, припаркованные у обочины. Джип вильнул в сторону и резко затормозил на газоне у виллы «Лазурный берег», где два его пассажира оказались лицом к лицу с разъяренными приятелями парнишки. Началась драка, вскоре вокруг собралась толпа. Взламывали дверцы автомобилей, которые стояли на стоянке, сами машины валили набок поперек дороги. Сирены оповестили о наступлении комендантского часа, но на это никто не обратил внимания. «Скорая помощь», прибывшая в сопровождении мотоциклиста, чуть не доехав до баррикады, развернулась и помчалась обратно, а вслед ей посыпался град камней. И тут с балкона на четвертом этаже кто-то начал палить из револьве-

ра. Люди с криками бросились врассыпную, ища укрытия в ближних домах, они врывались в коридоры, колотили в двери, разбивали окна и лампочки. Добрались и до стрелявшего, выволокли его из укрытия, забили до бесчувствия и скинули на мостовую. Обитатели квартир выбегали на улицы или сидели в темноте за запертыми дверями. Какую-то женщину настигли в конце коридора и сорвали с нее всю одежду; кто-то поскользнулся на бегу и сломал себе ногу. Двери в квартирах были сорваны с петель, вещи разграблены. В квартире Бёрманнов, над комнатой Анны К., громилы сорвали занавески, навалили на пол груды одежды, разломали мебель и запалили огонь, и оттуда, хотя огонь и не разгорелся, пополз густой дым. Перед виллами «Лазурный берег», «Золотой берег» и «Копакабана» снова стала собираться толпа; люди складывали награбленные вещи у своих ног, бросались к декоративным каменным горкам на газонах и швыряли камнями в большие зеркальные стекла окон, выходивших на набережную, покуда не перебили все вдребезги.

На шоссе в пятидесяти ярдах от баррикады остановилась полицейская машина с крутящейся синей мигалкой. Застрочил автоматический пистолет, из-за баррикады раздались ответные выстрелы. Машина резко дала задний ход и исчезла, а толпа с криками повалила в другую сторону, по Бичроуд. Прошло еще минут двадцать, уже совсем стемнело, и только тогда на место происшествия прибыли полицейские и карательные отряды. Этаж за этажом они захватывали пора-

женные мятежом дома, не встречая никакого сопротивления со стороны врага, который удирал по всем близлежащим аллеям и переулкам. Одну мятежницу, которая не могла быстро бежать, застрелили. С окрестных улиц полицейские собирали брошенные вещи и складывали их в кучи на газонах. Сюда поздней ночью пришли обитатели квартир и, светя фонариками, стали отыскивать свое имущество. В полночь, когда уже готовились объявить о завершении операции, в коридоре одного из домов в темном закутке обнаружили скукожившегося бунтовщика с простреленным легким; его забрали. Выставив на ночь постовых, солдаты и полицейские уехали. К утру задул ветер и пошел сильный дождь; он хлестал в разбитые окна «Лазурного берега», «Золотого берега», «Копакабаны», а также «Эгремонта» и «Высот Малибу», которые солидный проспект рекомендовал пассажирам лайнеров, плывущих вокруг мыса Доброй Надежды; дождь мочил шторы, заливал ковры, на полу собирались лужи.

Все это время Анна К. и ее сын тихо, как мыши, сидели в комнатухе под лестницей и не двинулись с места, даже когда почуяли дым, когда по коридору затопали тяжелые башмаки и кто-то заколотил в запертую дверь. Откуда им было знать, что шумят и кричат лишь на их улице, что бьют стекла лишь в нескольких соседних домах? Не смея шепнуть друг другу хоть одно слово, они сидели бок о бок на кровати и все больше утверждались в мысли, что в Си-Пойнт пришла настоящая война. На рассвете мать в конце концов задремала,

а Михаэл все сидел и вслушивался, глядя на полоску серого света под дверью и стараясь дышать как можно тише. Едва мать начинала похрапывать, он тряс ее за плечо.

Так он и уснул, сидя на кровати и привалившись спиной к стене. Когда он проснулся, полоска света под дверью стала светлее. Он отпер дверь и, крадучись, шагнул в коридор. Весь пол был усыпан битым стеклом. У входной двери, спиной к нему, сидели в шезлонгах два солдата, глядя на дождь и серое море. К. скользнул обратно в материнскую комнатушку и лег спать на свой тюфяк в углу.

Позднее в тот же день обитатели «Лазурного берега» начали возвращаться и расчищать свои жилища или упаковывать вещи, а то просто стояли и смотрели на учиненный разгром и плакали. Когда прекратился дождь, К. отправился в Грин-Пойнт в миссию Святого Иосифа, где прежде без всяких распросов можно было получить миску похлебки и койку на ночь и где он надеялся пристроить ненадолго мать, подальше от разоренного дома. Но гипсовая фигура святого Иосифа с бородой и посохом исчезла, бронзовая дощечка с ворот тоже, окна были закрыты ставнями. Михаэл постучался в соседнюю дверь, и ему послышалось, что скрипнули половицы, однако дверь не открыли.

Проезжая и проходя через город по пути на работу, К. ежедневно наблюдал множество бездомных и нищих, которые в последние годы заполонили центральные улицы; они попрошайничали, воровали, томились в очередях у бюро по

оказанию помощи безработным или просто сидели и грелись в коридорах учреждений, а на ночь укрывались в вонючих пакгаузах, в доках или в трущобах за Бри-стрит, куда полиция не отваживалась заглядывать. Всего за какой-нибудь год, еще до того, как власти установили контроль за передвижением людей, Кейптаун наводнили сельские жители, которые искали хоть какую-нибудь работу. Но ни работы, ни пристанища они не нашли. Если они с матерью волюются в это море голодных, думал К., на что им надеяться? Надолго ли хватит ему сил возить ее на тачке, прося на пропитание? Он бродил по городу весь день и вернулся, когда их комнатуха уже погрузилась во мрак. На ужин он сварил суп, загородив керосинку одеялом, чтобы огонек не привлек чье-нибудь внимание, открыл банку сардин, выложил на стол сухари.

Теперь мать с сыном уповали на разрешение – они сразу же уедут, как только его получат. Но почтовый ящик Бёрманнов, на адрес которых полиция должна была выслать разрешение, если она вообще намеревалась его выслать, был заперт, а самих Бёрманнов наутро после той страшной ночи, потрясенных и растерянных, увезли куда-то друзья; они не оставили даже записки, когда вернутся. Поэтому Анна К. велела сыну подняться к ним в квартиру и взять ключ от почтового ящика.

К. никогда прежде туда не заходил. Все было перевернуто вверх дном. В лужах воды, которую нагнали в окна порывы ветра, валялись опрокинутая и сломанная мебель, вспо-

ротые матрасы, битое стекло и посуда, горшки с увядшими цветами, вымокшие подушки и одеяла, коврики. На подметки башмаков К. налипли мука, кукурузные хлопья, сахар, кошачий кал, земля. В кухне лежал дверцей вниз холодильник, мотор у него все еще урчал, из петель дверцы сочилась желтая пена – на полу натекла уже большая лужа. Ряды банок и кувшинов будто смели с полок метлой, воняло прокисшим вином. На сверкающем белизной кафеле кто-то написал пастой для чистки духовок: «А пшли вы!»

Михаэл уговорил мать пойти взглянуть на разгром. Она вот уже два месяца как не поднималась наверх. Со слезами на глазах мать стояла на хлебной доске, валявшейся в дверях гостиной.

– Почему они это сделали? – прошептала она. В кухню она не захотела заходить. – Такие приятные люди, – шептала она. – Прямо не знаю, как они это переживут.

Михаэл помог ей вернуться в их комнатушку. Она долго не могла успокоиться и все спрашивала, где же теперь Бёрманны и кто все приберет и вымоет, когда они вернутся.

Уложив мать в постель, Михаэл снова поднялся в разгромленную квартиру. Он поставил на место холодильник, вынул из него все, что там было, замел в угол осколки стекла, вытер лужи, сложил мусор в целлофановые пакеты и вынес их за входную дверь. Все, что было съедобного, он сложил отдельно. Гостиную он не стал прибирать, только прищипил занавески поперек зияющих оконных проемов. «Я это делаю

не ради Бёрманнов, а ради матери», – сказал он себе.

Пока не вставят стекла, не снимут с пола ковры, от которых уже потянуло плесенью, хозяева не смогут здесь жить, это ясно. И все же до той минуты, пока он не увидел ванную, ему и в голову не приходило поселиться в квартире.

– На одну-две ночи, не больше, – умолял он мать, – чтобы тебе выспаться спокойно одной. Пока мы не узнаем, как жить дальше. Я передвину кушетку в ванную. А утром поставлю все как было. Обещаю тебе. Они ничего и не заподозрят.

Он втащил кушетку в ванную, застелил ее простынями и скатертями. Загородил окошко картоном и включил свет. Горячая вода шла, и он принял ванну. Утром он уничтожил все следы своей ночевки. Пришел почтальон. В ящик Бёрманнов он ничего не опустил. Моросил дождь. Михаэл вышел из дома и посидел под навесом автобусной остановки, глядя на дождь. К вечеру, когда стало ясно, что Бёрманны не вернутся и сегодня, он опять поднялся в их квартиру.

День за днем шел дождь. От Бёрманнов не было никаких известий. К. вымел на балкон застоявшуюся воду и прочистил стоки. Комнаты продувало ветром, но запах плесени все усиливался. Он убрал в кухне весь мусор с пола и снес пакеты вниз.

Теперь он проводил в квартире не только ночи, но и дни. В кухонном шкафу он обнаружил стопки журналов. Он лежал на кровати или в ванне и листал их, разглядывая красавиц и аппетитные кушанья. Кушанья привлекали его больше. Он

показал матери картинку: поджаристый свиной окорок, обложенный вишнями и кружочками апельсина, а рядом стояли миска с малиной под сливками и пирог с крыжовником.

– Никто так больше не ест, – сказала мать.

Он с ней не согласился.

– Свины не знают, что идет война, – сказал он. – Апельсины не знают, что идет война. Еда все так же растет. Кто-то должен ее есть.

Он отправился в общежитие, где жил, и заплатил сколько причиталось.

– Я уволился с работы, – сказал он служителю. – Мы с матерью едем в деревню, подальше от всех беспокойств. Вот ждем разрешения.

К. забрал свой велосипед и чемодан. Заехав на свалку, он купил метр стальной проволоки. Тачка с приделанным сиденьем стояла на том месте, где он ее оставил, – в проулке за домом; он все же остановился на первом своем проекте: взять колеса от велосипеда, а к ним приладить ящик – на такой коляске он сможет вывозить мать на прогулки. Колеса крутились хорошо, но слетали, и он никак не мог их закрепить. Он часами возился с ними, накручивал на ось валики из проволоки, делал зажимы, но ничего не получалось. Тогда он бросил эту затею. Что-нибудь со временем придумаю, сказал он себе, и оставил разобранный велосипед на полу в кухне Бёрманнов.

Среди вещей, разбросанных по гостиной, валялся транзи-

стор. Стрелку заело в конце шкалы, батареи почти сели; он повозился с ним и бросил. Однако потом, роясь в кухонных ящиках, он нашел провод и включил транзистор в сеть. Теперь по вечерам он лежал в ванне и слушал музыку, которая доносилась из комнаты. Иногда она его убаюкивала. Утром он просыпался, а музыка все играла или кто-то звучно говорил на языке, в котором он не понимал ни единого слова, только улавливал названия отдаленных мест: Ваккерстром, Питерсбург, Кинг-Уильямс-Таун. Иногда он ловил себя на том, что сам что-то напевает под музыку.

Журналы ему наскучили, и он начал просматривать газеты, которые были сложены под кухонной раковиной; газеты были такие старые, что он не мог припомнить тех событий, о которых там сообщалось, хотя и узнавал некоторых футболистов. «КАМИСКРОНСКИЙ УБИЙЦА ПОЙМАН!» – сообщал заголовок в одной из газет, а под ним снимок: между двух застывших полицейских стоит мужчина в наручниках, в разорванной белой рубашке. Под тяжестью наручников он чуть наклонился вперед и опустил плечи, но смотрел в объектив, как показалось Михаэлу, со спокойной улыбкой, будто сделал то, что должен был сделать. Внизу был второй снимок: винтовка на ремне и подпись: «Оружие убийцы». К. приклеил газетную страницу с этой историей к дверце холодильника и потом, когда снова взялся возиться с колесами, нет-нет да поднимал вдруг голову и встречался взглядом с человеком из какого-то Камискрона.

От нечего делать он решил просушить намокшие бёрмановские книжки, натянул через гостиную веревку, навесил на нее книжки, но они не сохли, и он потерял к ним интерес. Книги он вообще не любил, а эти были про военных и женщин со странными именами – одну, к примеру, звали Лавиния, – его все эти истории совсем не интересовали, но он все-таки разлепил слипшиеся листы нескольких альбомов с видами Ионических островов, мавританской Испании, Страны озер – Финляндии, Бали и других стран мира.

Но вот однажды утром дверь со скрипом отворилась, Михаэл К. вскочил и увидел четырех мужчин в комбинезонах; не сказав ни слова, они прошли мимо него и начали выносить из квартиры вещи. Он поскорее убрал с дороги части велосипеда. Мать, еле волоча ноги, в халате, выползла из своей комнатухи и спросила у одного из мужчин, когда тот спустился с лестницы:

– А где же хозяин? Где мистер Бёрманн?

Мужчина пожал плечами и ничего не ответил. К. вышел на улицу и заговорил с водителем фургона:

– Вас послал мистер Бёрманн?

– Это ты про что? – удивился водитель.

Михаэл помог матери вернуться в постель.

– Вот чего я не возьму в толк, – сказала мать, – почему они меня-то не извещают? Что мне делать, если вдруг кто-нибудь постучится в дверь и скажет, чтобы я отсюда выметалась, что комната нужна ему для своей прислуги? Куда мне

тогда идти?

К. долго сидел возле матери, слушал нескончаемые жалобы и гладил ее по руке. Потом взял велосипедные колеса, проволоку, инструменты, вынес всё в проулок и расположился на солнышке – надо было все же что-то придумать, чтобы колеса не слетали с оси. Он провозился весь остаток дня; к вечеру он нанес ножовкой аккуратную резьбу по обоим концам поперечной оси, теперь можно было навернуть на ось дюймовые гайки. Он навесил колеса, закрепил их гайками, оставалось лишь закрепить ось потуже проволокой, чтобы гайки держались на одном уровне, и проблема вроде была решена. За ужином он едва притронулся к еде и почти не спал в ту ночь – так не терпелось ему снова взяться за работу. Утром он разобрал настил от старой тачки и соорудил ящик с двумя боковинами и задней стенкой, к боковинам приделал две длинные ручки, ящик приладил на ось и крепко примотал проволокой. Получилось что-то вроде коляски рикши, только пониже и не такая устойчивая, но мать она, пожалуй, должна была выдержать; в тот же вечер, когда с северо-запада задул холодный ветер и на набережной остались только самые заядлые любители прогулок, он снова вывез свою матушку, закутанную в пальто и одеяло, на прогулку, и на губах ее затеплилась улыбка.

Время пришло. Едва они вернулись домой, как он изложил матери свой план, который вынашивал с того дня, когда построил первую коляску. Они только попусту томятся тут,

дожидаясь разрешения. Не придет это разрешение никогда. А без разрешения не посадят в поезд. Из комнаты их могут выдворить в любой день. Неужели же она, зная все это, не позволит ему отвезти ее в Принс-Альберт на коляске? Она ведь сама убедилась, какая коляска удобная. Сырая погода ей во вред, да и бесконечная тревога за будущее тоже не на пользу. В Принс-Альберте она быстро восстановит свое здоровье. Самое большее они будут в дороге два дня. Мир не без добрых людей, посадят в машину, довезут до самого места.

Он часами спорил с ней и так ловко все объяснял, что сам поражался своей находчивости. Как же она среди зимы будет спать под открытым небом, возражала мать. Если повезет, отвечал он, они за один день доберутся до Принс-Альберта — туда ведь всего пять часов езды на машине. А если польет дождь, спрашивала она. Он натянет над коляской непромокаемый полог, отвечал он. А если их задержит полиция? Да уж наверное, у полиции есть дела поважнее, отвечал он, чем задерживать двух ни в чем не повинных людей, которые хотят всего лишь выбраться из переполненного города. «Да зачем это полиции нужно, чтоб мы прятались на ночевку по чужим верандам, просили милостыню на улицах и всем мешали?» Так убедительно он говорил, что в конце концов Анна К. сдалась, поставив, однако, два условия: он еще раз сходит в полицию и узнает, не пришли ли разрешения, и не будет ее торопить, она хочет собраться в дорогу без спешки; Михаэл с радостью принял эти условия.

Наутро, вместо того чтобы ждать автобуса, который мог вообще не прийти, он пробежал легкой трусцой по шоссе от Си-Пойнта до самого центра, с удовольствием чувствуя, как крепки его мышцы, как ровно бьется сердце. К столу, где стояла табличка с надписью «Hervestiging (релокация)», тянулась длинная очередь, и он только час спустя предстал перед женщиной в полицейской форме – инструктором по перемещениям.

К. протянул ей два железнодорожных билета.

– Я хочу узнать, не пришло ли разрешение, – спросил он.

Инспектор подтолкнула к нему два знакомых бланка:

– Заполните их и отдайте в комнату Е-5. При себе иметь билеты с талонами на заказанные места. – Она перевела взгляд на мужчину, стоявшего за Михаэлом. – Слушаю...

– Погодите, – сказал К., стараясь удержать ее внимание. – Я уже заполнял такие бланки. Я только хочу узнать, не пришло ли уже разрешение.

– Сначала зарезервируйте места, потом получите разрешение! Вы зарезервировали места? На какое число?

– На восемнадцатое августа. Но моя мать...

– До восемнадцатого августа еще целый месяц! Если вы запросили разрешение и оно вам дано, получите его по почте. Следующий!

– Но об этом я и хочу справиться! Потому что, если не дали, мне надо решать по-другому. У меня больная мать...

Инспектор хлопнула ладонью по стойке:

– Не отнимай ты попусту время! В последний раз говорю: если разрешение дано, оно придет! Не видишь, какая очередь? Ты что, не понимаешь? Полоумный, что ли? Следующий! – Она облокотилась на стойку и поверх Михаэлова плеча демонстративно уставилась на очередь. – Следующий! Да, ты!

Но К. не сдвинулся с места. Он тяжело дышал и не отводил от инспектора пристального взгляда.

Она еще раз с неприязнью на него поглядела – жидкие усики не скрывали его вывернутую губу.

– Следующий! – опять крикнула она.

Назавтра, за час до рассвета, К. поднял мать и, покуда она одевалась, нагрузил инвалидное кресло: ящик застелил одеялами, а к спинке и боковинам положил подушки, чемодан повесил к ручкам. Теперь над креслом был натянут черный пластиковый купол, и она стала похожа на высокую детскую коляску. Увидев ее, мать остановилась и покачала головой. «Не знаю, не знаю», – обронила она. Пришлось ее уговаривать; время шло; наконец она взобралась на сиденье. Коляска оказалась не такая уж большая, он только теперь это понял: мать она выдерживала, но ей приходилось сидеть, чуть пригнувшись под куполом, к тому же было тесно, она не могла двинуть ни рукой, ни ногой. На колени ей он положил одеяло, на него – пакет с едой, керосинку, в отдельной коробке бутылку с керосином, а поверх всего еще кое-какую одежду. В окнах соседней квартиры зажегся свет. С шумом бились о

скалы волны.

– Всего день-два, – зашептал он матери, – и мы на месте. Старайся поменьше двигаться из стороны в сторону.

Она кивнула, но рук от лица не отняла.

Он наклонился к ней:

– Ты хочешь остаться, ма? – спросил он. – Если хочешь, останемся.

Она покачала головой. Тогда он нахлобучил кепку, взялся за ручки и выкатил коляску на потонувшую в тумане дорогу.

Он выбрал самый короткий путь: мимо пустыря со старыми цистернами, к которому подступали выгоревшие внутри, разрушающиеся дома, мимо доков, где чернели коробки складов, в которых ютилась теперь городская шпана. Никто их не останавливал, прохожие, повстречавшиеся им в этот ранний час, даже не взглянули в их сторону. Все более и более удивительные повозки и тележки поехали по улицам: грузовая тележка с рулевым управлением; трехколесный велосипед, на задней оси которого один на другом были установлены ящики; ручная тележка с подвешенными под днищем корзинами; упаковочная клеть на колесиках; тачки всевозможных размеров. Осел, который по теперешним временам стоил восемьдесят рэндов, с тележкой на резиновом ходу стоимостью добрую сотню рэндов.

К. выдерживал ровный шаг, останавливаясь через каждые полчаса, чтобы растереть занемевшие руки и размять плечи. Как только он усадил мать в коляску, он понял, что из-за тя-

жести впереди ось сместилась с центра, ушла назад. Теперь, чем глубже усаживалась мать, стараясь устроиться поудобнее, тем тяжелее ему было везти коляску. Он старался все время улыбаться, чтобы мать ничего не заподозрила.

— Нам бы только выбраться на шоссе, — с трудом переводя дыхание, говорил он, — а там уже нас обязательно кто-нибудь посадит.

К полудню они въехали в неприглядный заводской район Парден-Эйланд. Двое рабочих, сидя на каменной стенке, жевали бутерброды; они молча глядели на проезжавшую мимо коляску. «ОПАСНАЯ ЗОНА!» — предупреждала полустертая черная надпись на стене. Руки у К. совсем онемели, но он протащил коляску еще с полмили. Перед мостом через Блэк-ривер он помог матери слезть с коляски и усадил ее на зеленый откос. Они позавтракали. Дороги были на удивление пустынные, это его озадачило. И такая вокруг тишина, что слышно, как поют птицы. Он лег навзничь в густой траве и закрыл глаза.

Разбудил его какой-то рокот. Сперва он решил, что это дальние раскаты грома. Однако рокот нарастал, волнами откатываясь от бетонных опор моста. Справа, со стороны города, на небольшой скорости приближались две пары мотоциклистов в полной военной выкладке, с винтовками за плечами, а за ними ехал броневик со стрелком в открытом люке. Далее следовала длинная колонна тяжелых грузовиков, в большинстве порожних. К. подполз по откосу повыше и сел

рядом с матерью; они сидели бок о бок в страшном грохоте, от которого, казалось, затвердел воздух, и смотрели на машины. А они все ехали и ехали. В хвосте потянулись легковые автомобили, фургоны и пикапы, за ними проехал зеленый армейский грузовик с брезентовым верхом, под которым они разглядели сидящих в два ряда солдат в касках, потом еще четверка мотоциклистов.

Один из них – из первой пары – повернул голову и внимательно посмотрел на К. и его мать. И тут два замыкающих мотоциклиста отклонились от колонны и подъехали к обочине. Один остался у обочины, другой поднялся на откос.

– На трассе останавливаться запрещено, – подняв щиток шлема, сказал он и заглянул в коляску: – Ваша?

К. кивнул.

– Куда направляетесь? – спросил мотоциклист.

К. хотел ответить, но из горла вырвался какой-то шепот, ему пришлось прокашляться и повторить:

– В Принс-Альберт. Это в Кару.

Мотоциклист присвистнул, легонько катнул коляску и что-то крикнул своему напарнику. Потом опять повернулся к К.:

– Тут дальше по шоссе контрольный пункт. Остановишься и покажешь разрешение. У вас есть разрешение на выезд из города?

– Да.

– Выезд без разрешения запрещен. Отправляйся на кон-

трольный пункт, предъявишь там разрешение и документы. И слушай меня внимательно: если вам захочется остановить-ся, отъезжай на пятьдесят метров в сторону. Можешь вправо, можешь влево, куда захочешь. Остановитесь ближе – будут стрелять без предупреждения. Понятно?

Михаэл кивнул.

Мотоциклисты вскочили в седла своих машин и с ревом умчались вдогонку за колонной. К. не отваживался взглянуть на мать.

– Надо было нам выбрать дорогу поспокойнее, – наконец сказал он.

Ему бы сразу повернуть обратно, но, страшась еще одного унижения, он помог матери усестся в коляске и докатил ее до старых ангаров, где и в самом деле стоял у дороги джип, а три солдата кипятили на походной печке чай. Однако его просьбы были напрасны.

– Есть у тебя разрешение или нет? – допытывался капрал. – Плевать мне, кто ты такой и что с твоей матерью. Нет разрешения – выезд запрещен, и точка.

К. повернулся к матери. Она безучастно смотрела на молодого солдата из-под черного купола.

Капрал замахал на них руками.

– Не нужны мне из-за вас неприятности! – закричал он. – Сначала получите разрешение, тогда пропущу!

К. взялся за ручки коляски и покатыл ее под арку; капрал проводил их взглядом. Одно колесо на коляске начало вих-

лять.

Уже опустилась ночь, когда они миновали светофор, от которого начиналась Бич-роуд. Автомобили, перегораживавшие шоссе во время недавних событий, оттащили на газоны. В двери комнатки под лестницей все еще торчал ключ. В ней все было так, как они оставили: тщательно прибранная, чистая, готовая к въезду нового жильца. Не сняв пальто и шлепанцев, Анна К. рухнула на голый матрас; Михаэл втащил их пожитки. Подушки намокли под дождем.

– Через день-другой мы попробуем снова, ма, – тихо сказал Михаэл.

Она качнула головой.

– Ма, разрешение не придет! – добавил он. – Попробуем еще раз, только теперь мы двинемся окольными дорогами. Не могут же они перекрыть все дороги.

Михаэл присел на краешек матраса, положил руку ей на плечо и сидел так, покуда она не заснула, потом он поднялся наверх и проспал ночь в квартире Бёрманнов.

Два дня спустя, задолго до рассвета, они выехали из Си-Пойнта и двинулись дальше. Правда, уже не в том приподнятом настроении, что в первый раз. Теперь К. понимал, что им, может статься, придется провести в дороге не одну ночь. А мать и вовсе потеряла всякую охоту к дальним путешествиям. Она жаловалась на боли в груди и, хмурая, точно застыв, сидела под пластиковым пологом, который К. прикрепил спереди, чтобы дождь не заливал ей колени. Коляс-

ка ходко катилась по мокрому гудрону, только поскрипывали шины; на сей раз Михаэл выбрал другой маршрут: через центр, по Сэр-Лаури-роуд, по Мейн-роуд, через пригород, по железнодорожному мосту через Моубрей, мимо бывшей детской больницы и дальше по старой Клипфонтейн-роуд. Здесь, возле поля для игры в гольф, у смятой проволоочной изгороди, за которой лепились крытые жестью фанерные хибары, они сделали первую остановку. Когда они поели, К. встал на обочине рядом с коляской в надежде остановить попутную машину. Движения на дороге почти не было. Проехало один за другим три грузовичка с затянутыми сеткой фарами и стеклами. Потом запряженная гнедыми лошадьми с колокольцами в сбруе красивая повозка, полная детишек; они принялись хохотать и строить рожи, показывая пальцами на одиноких путников. Довольно долго не ехал никто, но вот наконец возле них притормозил грузовик, и шофер не только предложил подбросить их до цементного завода, но и помог К. погрузить в кузов коляску. Сидя в теплой, сухой кабине и следя краем глаза, как мелькают километровые знаки, К. тронул локтем мать, и она слабо улыбнулась ему в ответ.

Однако на этом и кончилось их везение в тот день. У цементного завода они простояли больше часа: пешеходы и велосипедисты текли волной, но машина проехала всего лишь одна – городской мусоровоз. Солнце клонилось к закату, ветер все больше сек лицо; К. выкатил коляску на дорогу и снова пустился в путь. «Может, так и лучше, – думал он, – ни

от кого не зависеть». После первой поездки он сдвинул ось на два дюйма вперед, и теперь на ходу коляска была легче перышка. Вскоре он обогнал человека с тачкой, нагруженной хворостом, и тот приветственно ему кивнул, когда они поравнялись. Мать сидела в своей маленькой темной кабине, сдавленная высокими бортами, глаза у нее были закрыты, голова поникла.

За полмили до большой автострады К. остановился, помог матери выбраться из коляски и, оставив ее на обочине, углубился в заросли кустарника поискать место для ночевки. Сквозь облака проглядывала туманная луна. В этом перевозданном хаосе сплетенных корней, влажной земли и гнилых запахов не было даже малого клочка, защищенного от сырости и холода. Дрожа, он вернулся к дороге.

– Знаешь, там не очень приятно, – сказал он матери, – но что поделаешь, придется одну ночь перетерпеть.

Он спрятал в кусты коляску и, одной рукой поддерживая мать, а в другую взяв чемодан, повел ее в заросли. Они съели холодные бутерброды и расположились на подстилке из листьев, сквозь которую их одежду постепенно пропитывала сырость. В полночь заморосил дождь. Они прижались друг к другу под чахлым деревцем, подняв над головами одеяло, а дождик все шел и шел. Когда одеяло намокло, Михаэл пополз на четвереньках к коляске и стянул с нее пластиковый полог. Он преклонил голову матери на свое плечо; она дышала с трудом, частыми хриплыми вздохами. Только теперь

он понял, почему она перестала жаловаться: она, видно, совсем измучилась или ей стало все безразлично.

Он намеревался пуститься в дорогу пораньше, до того как рассветет, чтобы дойти до поворота на Стелленбос и Парл. Но на рассвете мать все еще спала, привалившись к его боку, и ему не захотелось ее будить. Потеплело, и он сам не мог одолеть дремоту. Когда он наконец вывел мать к дороге, было уже часов десять. Здесь, пока они укладывали в коляску намокшие одеяла, к ним пристали двое прохожих; наткнувшись в пустынном месте на исхудавшего парня и старуху, эти двое решили, что их можно безнаказанно обобрать. Чтобы все было ясно, один из грабителей показал К. большой нож, вытряхнув его из рукава на ладонь, а второй в это время уже схватился за чемодан. Но в то мгновение, когда блеснул нож, К. понял, что он снова будет сейчас унижен на глазах у матери, он представил себе, как потащится с коляской назад, в комнатенку на Си-Пойнте, и будет сидеть там на матрасе в углу день за днем, заткнув уши, чтобы не слышать молчания матери. Он сунул руку в коляску и выхватил оттуда свое единственное оружие – обрезок от оси длиной полметра. Размахивая им над головой и прикрыв левой рукой лицо, он шагнул к парню с ножом, и тот отпрянул назад, а мать оглашала воздух пронзительными криками. Грабители отступили. Молча, с пылающими яростью глазами, не выпуская из руки обрезок оси, К. водворил на место чемодан, помог трясущейся матери взобраться на коляску; грабители

выжидали метрах в двадцати. Но вот он выкатил коляску на шоссе и постепенно стал отдаляться от них. Какое-то время парни еще преследовали их, и тот, что был с ножом, выкрикивал угрозы и ругательства. Потом, так же неожиданно, как и появились, они исчезли в кустах.

Машин на шоссе не было, но по его середине, там, где обычно никто не ходит, шло много нарядно одетых людей. По обочинам тянулись густые заросли высоких, в рост человека, сорняков; асфальт на дороге потрескался, в трещинах пробивалась трава. К. поравнялся с тремя девочками, сестричками, одетыми в одинаковые розовые платья, — они шли в церковь. Девочки заглянули в коляску к миссис К. и завели с ней разговор. До самого поворота на Стелленбос старшая девочка шла рядом с коляской и держала миссис К. за руку. Прощаясь, миссис К. вынула кошелек и дала каждой девочке по монетке.

Девочки рассказали им, что по воскресеньям военные колонны не ездят, однако на Стелленбосском шоссе мимо них потянулась вереница фермерских грузовиков во главе с затянутым тяжелой ячеистой сеткой фургоном, у заднего борта которого, в открытом проеме, стояли два солдата с автоматами наперевес.

К. поспешно съехал на обочину. Люди с любопытством глазели на коляску, а дети показывали пальцами и что-то выкрикивали. К. не расслышал, что они кричали.

По обе стороны от шоссе раскинулись пустые, с оголен-

ными лозами виноградники. В небе вдруг возникла стайка воробьев, словно материализовалась из воздуха, и расселась по кустикам вокруг, потом воробьи так же разом вспорхнули и унеслись. Издалека донесся колокольный звон.

Михаэлу почему-то вспомнился приют: он сидит на койке в лазарете, шлепает ладонью по подушке и смотрит, как пляшут в солнечном луче пылинки.

Уже стемнело, когда он на исходе сил дотащился до Стелленбоса. Улицы были пусты, задул холодный порывистый ветер. Он не представлял себе, где они устроятся на ночь. Мать кашляла и после приступа никак не могла отдышаться. Он остановился у первого же кафе и купил пирожков с мясом. Съел сразу три, мать – один. Она совсем потеряла аппетит.

– Может, обратиться к врачу? – спросил он.

Она покачала головой и похлопала себя по груди.

– Горло совсем пересохло, – сказала она, – а так ничего.

Похоже, она рассчитывала завтра или послезавтра добраться до Принс-Альберта, и он не стал ее разочаровывать.

– Запомнятовала я, как называлась наша ферма, – сказала она, – но можно поспрашивать, люди ведь помнят. Там был длинный загон у курятника, а на взгорке – насос. Жили мы в домике на косогоре. У заднего крыльца росла дикая груша. Это место ты и ищи.

На ночь они устроились в каком-то проулочке; Михаэл расправил картонные коробки и постелил их на земле. Одной длинной полосой загородил их ложе с подветренной сто-

роны, но ветер задувал поверх картона. Мать кашляла всю ночь напролет, и он совсем не спал. Один раз по улице медленно проехала патрульная машина, и ему пришлось зажать матери рот рукой.

Едва рассвело, он усадил мать в коляску. Голова у нее совсем поникла, и, видно, она не понимала, где находится.

Михаэл остановил первого попавшегося прохожего и спросил, как проехать в больницу. Анна К. уже не могла держаться прямо, она валилась вперед, и Михаэл с трудом удерживал коляску.

– Ужасно пересохло горло, – еле слышно шептала она, а сама то и дело отхаркивалась.

В больнице он посадил мать на скамью, сам сел рядом и держал ее, покуда до них не дошла очередь и ее не увезли. Когда он отыскал ее немного погодя, она лежала на каталке, посреди целого моря каталок, без сознания, с трубкой в носу. Не зная, что предпринять, он ходил взад-вперед по коридору, пока его не выдворили. Вторую половину дня он провел на больничном дворе, греясь в слабых лучах зимнего солнышка. Дважды он прокрадывался в коридор, где стояли каталки, посмотреть, не увезли ли мать. На третий раз он на цыпочках подошел к матери и склонился над ней. Ему показалось, что она не дышит. Сердце у него сжалось от страха, он подбежал к сестре за столиком и потянул ее за рукав.

– Скорее, прошу вас! Посмотрите на нее! – срывающимся голосом проговорил он.

Сестра стряхнула его руку.

– Это еще что?! – прошипела она.

Но все-таки пошла за ним к каталке и, глядя куда-то в пространство, стала прощупывать у матери пульс. Потом, без единого слова, вернулась за столик. К. стоял возле нее, как безгласный пес, покуда она что-то записывала. Наконец она повернулась к нему.

– А теперь послушай меня, – сдавленным шепотом заговорила она. – Видишь ты, сколько здесь людей? – Она показала на коридор и палаты. – И все ждут, когда я к ним подойду. Мы по двадцать четыре часа в сутки тут с ними возимся. А когда я сдаю дежурство... Нет, ты не уходи, ты выслушай меня! – Теперь она тянула его за рукав и почти кричала ему в лицо, а в глазах ее стояли слезы: – Когда я сдаю смену, я такая вымотанная, что даже есть не могу, валюсь спать, не сняв туфель. Ты видишь – я тут одна! Не двое, не трое – одна. Понимаешь ты? Неужели это так трудно понять?

К. отвел глаза.

– Извините, – пробормотал он, не найдясь, что ответить; он снова побрел во двор.

Чемодан остался при матери. Денег у него не было, только какая-то мелочь – сдача от вчерашних пирожков. Он купил пончик и напился воды из-под крана. Потом побрел по улицам, разгребая ногами толстый слой опавшей листвы. Зашел в парк и посидел на скамейке. Между голых ветвей просвечивало бледно-голубое небо. Белка заверещала у него над

головой, и он вскочил. Он вдруг забеспокоился, как бы не украли коляску, и заспешил обратно в больницу. Коляска стояла на том месте, где он ее оставил. Он вынул из нее одеяла, подушки и керосинку, потом сложил все обратно – देвать их было некуда.

В шесть заступила новая смена, и он решил проникнуть в отделение. Матери в коридоре не было. Он спросил у дежурной сестры, где она, и та направила его в дальнее крыло больницы, но там никто не мог ему ничего сказать. Он вернулся к дежурной, и она велела ему прийти утром. Он спросил, можно ли ему переночевать на скамейке в холле, и получил отказ.

Спал он в проулке, сунув голову в картонную коробку. Ему приснился сон: с большим пакетом гостинцев мать приехала навестить его в приют «Норениус». «Коляска катится так медленно, – сказала она ему во сне, – принц Альберт вышел навстречу, он заберет меня». Пакет был на удивление легким. Михаэл проснулся такой заледеневший, что не мог шевельнуть ногой. Часы вдалеке пробили три, а может, четыре удара. На ясном небе сияли звезды. Как ни странно, сон не оставил тяжести у него на душе. Завернувшись в одеяло, он сперва походил по проулку, потом вышел на улицу и стал разглядывать затененные витрины магазинов, где за ромбовидными ячейками решетки манекены демонстрировали весеннюю моду.

Когда наконец его впустили в больницу, мать – уже не в

черном пальто, а в белой больничной рубашке – лежала в женской палате. Глаза у нее были закрыты, из ноздри тянулась вчерашняя трубка. Рот у матери запал, лицо заострилось, даже кожа на руках, казалось, покрылась морщинами. Он сжал ее руку, но она не шевельнулась в ответ. Койки в палате стояли в четыре ряда, так тесно, что между ними едва можно было протиснуться; сесть было не на что.

В одиннадцать санитарка принесла чай и галету на блюде и поставила возле материнской койки. Михаэл приподнял матери голову и приложил кружку к губам, но она не стала пить. Он долго ждал, чай стыл, в животе у него урчало. Потом, когда санитарка стала собирать кружки, залпом выпил чай и проглотил галету. На спинке койки висел температурный лист; Михаэл долго его разглядывал, но так и не понял, относятся эти цифры к его матери или к кому-то другому.

Он вышел в коридор, остановил мужчину в белом халате и спросил, не найдется ли для него в больнице какая-нибудь работа.

– Денег мне не нужно, – сказал он, – просто хочу что-то делать. Подметать полы или еще что. Убирать в саду.

– Спроси в канцелярии на первом этаже, – ответил мужчина и прошел мимо.

К. так и не нашел эту канцелярию.

Во дворе с ним заговорил какой-то больной.

– Лег сюда заячью губу зашивать? – спросил он.

К. покачал головой. Больной с сомнением посмотрел на него. Потом рассказал ему длинную историю про то, как на него наехал трактор и раздробил ему ногу и бедро, а доктора вставили ему в кости гвозди, серебряные гвозди, которые никогда не заржавеют. Ходил он, опираясь на странно изогнутую алюминиевую палку.

– Где бы мне поесть? – спросил К. – Со вчерашнего дня не ел.

– Слушай, приятель, – живо откликнулся мужчина, – купи-ка ты нам обоим по пирогу. – И дал К. монету.

К. сходил в булочную и принес два горячих пирога с курятиной. Он сел на скамейку рядом со своим новым другом и начал есть. Пирог был такой вкусный, что у К. выступили слезы на глазах. Человек с палкой рассказывал, какая вдруг на его сестру нападает трясучка. К. слушал, как поют птицы в ветвях, и все пытался вспомнить, было ли ему когда-нибудь в жизни так хорошо, как сейчас.

Он провел возле матери час днем и еще один час вечером. Лицо у нее посерело, дыхание еле теплилось. Один раз челюсть у нее двинулась: К. смотрел, как загипнотизированный, на струйку слюны, которая вытекла из ее сморщенных раздвинувшихся губ. Мать как будто что-то шептала, но он не мог разобрать. Сестра, которая пришла его выпроваживать, сказала, что матери впрыскивают снотворное.

– Зачем это? – спросил К.

Едва сестра отошла, К. выпил чай, который стоял возле матери и возле старухи на соседней койке, залпом, как škодливый пес.

Придя в проулок, где он проспал прошлую ночь, он обнаружил, что его картонные коробки исчезли, – видно, кто-то их выбросил. Этой ночью он спал в подъезде какого-то дома, у двери. На медной дощечке над своей головой он прочел: «Ле Ру и Хаттинг, юристы». Проехавшая мимо полицейская машина разбудила его, но он заснул снова. Озяб он меньше, чем прошлой ночью.

На койке, где вчера лежала его мать, он увидел другую женщину, с забинтованной головой. К. стоял в ногах и глядел на нее. «Может быть, я спутал палату?» – подумал он. Он подошел к сестре:

– Моя мать... она вчера тут лежала...

– Спроси вон за тем столом, – сказала сестра.

– Ваша мать этой ночью скончалась, – сказала ему женщина-врач. – Мы сделали все, что могли, чтобы спасти ее, но она была очень слаба. Вы не оставили номера вашего телефона – мы хотели с вами связаться.

Михаэл бессильно опустился на стул в углу.

– Вы сделаете вызов по телефону? – спросила докторша.

Это, конечно, что-то означало, но Михаэл не понял что именно. Он покачал головой.

Кто-то принес ему кружку с чаем, и он выпил. Над ним склонялись какие-то люди, и от этого он нервничал. Сжав

ладони, он усталился на свои ноги. Должен ли он что-то сказать? Он разнял руки, снова их сжал, опять разнял, опять сжал.

Его повели вниз посмотреть на мать. Она лежала, вытянув руки по бокам, в больничной рубашке с надписью на груди. Трубку из носа убрали. Он смотрел на нее, потом стал мучительно соображать, куда ему отвести взгляд.

– Еще какие-то родственники у нее есть? – спросила дежурная сестра. – Хочешь им позвонить? Или хочешь, чтоб позвонили мы?

– Ничего не нужно, – ответил К.

Он отошел от стола и опять сел на стул в углу.

Его оставили в покое, а в обед принесли поднос с больничной едой, и он ее съел.

Потом к нему подошел мужчина в костюме и галстук и заговорил с ним. Он должен сообщить полное имя матери, ее возраст, местожительство, вероисповедание. По какому делу она приехала в Стелленбос? У него ли находится разрешение на выезд?

– Я вез ее на родину, – ответил К. – Она жила в Кейптауне, там холодно, все время дождь, это было вредно для ее здоровья. Я вез ее туда, где ей стало бы лучше. Мы не собирались останавливаться в Стелленбосе. – Тут он забеспокоился, что говорит много лишнего, и больше на вопросы не отвечал.

В конце концов мужчина перестал спрашивать и ушел. Потом немного погодя возвратился, присел перед ним на

корточки и спросил:

– А ты сам находился когда-нибудь в психиатрической больнице, или в заведении для дефективных, или в каком-нибудь приюте? Тебе когда-нибудь платили жалованье?

К. не отвечал.

– Подпишись вот здесь, – сказал мужчина и протянул бумагу, указывая место, где поставить подпись.

Но К. покачал головой, и мужчина подписал бумагу сам.

Заступила ночная смена, и К. побрел на автостоянку. Он ходил взад-вперед и смотрел на ясное ночное небо. Потом вернулся в больницу и сел на свой стул в углу. Никто его не выгонял. Позднее, когда все ушли, он спустился вниз, чтобы найти мать. Но не смог ее найти, а может, дверь в то помещение была закрыта. Он забрался в большой проволочный ящик, где лежало грязное белье, свернулся калачиком и проспал там до утра.

На второй день после смерти матери к нему подошла медсестра, которую он прежде никогда не видел.

– Пойдем, Михаэл, все готово, – сказала она.

Он последовал за ней к столу в холле. Там его дожидались материн чемодан и два коричневых свертка.

– Одежда и все вещи твоей покойной матери в этом чемодане, – сказала незнакомая сестра. – Можешь его забрать. – Она была в очках и говорила таким ровным голосом, будто читала по бумажке.

К. заметил, что девушка, которая сидела за столом, краем

глаза следит за ними.

– Вот в этом свертке, – продолжала сестра, – прах твоей матери. Сегодня утром ее кремировали, Михаэл. Мы можем захоронить прах или выдать тебе – решай сам. – Она вопросительно коснулась ногтем свертка, в котором был прах.

Оба свертка были аккуратно перевязаны коричневой тесемкой; тот, что с прахом, был поменьше.

– Хочешь, чтоб мы взяли это на себя? – спросила она и легонько провела по свертку пальцем.

К. покачал головой.

– А вот сюда, – продолжала сестра, решительно подвинув к нему второй свертки, – мы положили кое-какие вещи, которые могут тебе пригодиться: одежду и бритвенные принадлежности.

Она ласково посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Девушка за столом снова застучала на машинке.

Значит, здесь есть место, где сжигают, подумал К. Он представил старух из палаты, которых одну за другой суют в огнедышащую печь: глаза у них закрыты, губы сжаты, руки вытянуты по бокам. Сначала занимаются волосы – вспыхивают ярким венцом, а чуть погодя и все остальное, все горит, рассыпается в прах. Печь пылает, и туда все время кого-то суют.

– Но откуда я знаю? – сказал он.

– Что знаешь? – спросила сестра.

Он резким движением руки указал на свертки.

– Откуда я знаю?! – с вызовом повторил он.

Она не захотела ему ответить или не поняла, чего он от нее добивается.

Выйдя во двор, он развязал сверток, тот, что побольше. В нем лежали безопасная бритва, кусок мыла, полотенце, белая куртка с нашивками на плечах, черные брюки и черный берет с блестящей кокардой, на которой было написано: «Св. Иоанн. Скорая помощь».

Он протянул одежду девушке за столом. Сестра в очках куда-то исчезла.

– Почему вы мне это даете? – спросил он.

– А что вы меня спрашиваете? – сказала девушка. – Наверно, кто-то оставил... – Она не смотрела ему в лицо.

Он выбросил мыло и бритву, хотел было выбросить и куртку с брюками, но раздумал. Его собственная одежда начала пахнуть.

Ничто его теперь здесь не держало, но он никак не мог заставить себя уйти из больницы. Днем он бродил со своей коляской по соседним улицам. Ночью спал под мостами, под живыми изгородями в проулках. Ему было странно видеть, как дети катят на велосипедах домой из школы, трезвоня что есть силы, обгоняя друг друга; странно видеть, что люди едят и пьют, как обычно. Он пробовал искать работу, походил поспрашивал по соседним домам, не нужен ли садовник, но скоро потерял всякую охоту, он весь сжимался, когда хозяйка открывали перед ним дверь, – с такой брезгливостью они

смотрели на него; впрочем, разве они обязаны его жалеть? Если шел дождь, он забирался под коляску. В иные дни он подолгу сидел и разглядывал свои руки, без единой мысли в голове.

Потом прибил к группе мужчин и женщин, которые спали под железнодорожным мостом, а днем обретались на пустыре за винной лавкой на Андрина-стрит. Случалось, он одалживал им коляску. В порыве великодушия давал даже пользоваться керосинкой. Потом, ночью, когда он спал, кто-то попытался вытащить у него из-под головы чемодан. Он бросился на вора с кулаками, а наутро ушел от этих людей.

Как-то возле него остановилась полицейская машина, и двое полицейских обыскали его коляску. Раскрыли чемодан и стали в нем рыться. Потом развязали тесемку на свертке. В нем была коробка, а внутри нее полиэтиленовый пакет с темным, серым пеплом. К. увидел его впервые. Он отвел глаза в сторону.

– Что это? – спросил полицейский.

– Прах моей матери, – сказал К.

Полицейский с сомнением перебросил пакет из одной руки в другую и сказал что-то своему напарнику. К. не разобрал что.

В иные дни он часами стоял на тротуаре против больницы. Теперь она казалась ему меньше, чем прежде, просто длинное низкое строение с красной черепичной крышей.

Он перестал следить за комендантским часом. Что они с

ним сделают? А хоть и сделают, не все ли равно? В новой одежде – белая куртка, черные брюки и берет – он расхаживал со своей коляской всюду, где хотел. Временами у него начинала кружиться голова. Он чувствовал себя слабее, чем прежде, но это была не болезнь. Ел он один раз в день, покупал булочку или пирожок, беря деньги из материнского кошелька. Приятно было тратить деньги, не зарабатывая их: его не заботило, что они исчезают так быстро.

Он оторвал черную полосу от подкладки материнского пальто, обвязал ею рукав куртки. Но он не тосковал по матери, он это понял, во всяком случае, не больше, чем всю свою жизнь.

Заняться было нечем, и он все больше и больше спал. Он обнаружил, что может спать где угодно, в любое время и в любом положении: среди бела дня на тротуаре, когда люди шли мимо и переступали через него; стоя, прислонившись к стене, зажав чемодан между ног. Сон окутывал его голову милосердным туманом: у него не было никакого желания бодрствовать. Сны ему не снились вовсе – никто не снился и ничего не снилось.

Однажды исчезла коляска. Он тут же о ней забыл.

Так надо было – он должен был прожить в Стелленбосе какой-то срок. И его никак нельзя было уменьшить. День тянулся за днем, он брел по ним и не знал, куда бредет.

Одним хмурым туманным утром он, как не раз бывало, с чемоданом в руке шел по Банхук-роуд. Позади зацокали

копыта, пахнуло конским навозом, и его медленно нагнала телега – старая зеленая муниципальная телега, на которой стояли мусорные контейнеры без крышек; телегу тянул старый битюг, а правил старик в черном клеенчатом плаще. Какое-то время они двигались рядом. Старик кивнул К., и тот, поколебавшись с минуту, взгляделся в туманную даль и, поняв, что ничего его больше здесь не удерживает, взобрался на телегу и сел рядом со стариком.

– Спасибо, – сказал К. – Может, вам нужно помочь – я помогу.

Но старик не нуждался в помощи, да и разговаривать был не склонен. Они выехали из города и проехали еще целую милю, потом старик ссадил К., а сам свернул на грязный проселок. К. шел весь день, а ночь проспал в эвкалиптовой роще; высоко над его головой шумел в ветвях ветер. К середине следующего дня он вышел к Парлу, обогнул его стороной и двинулся по шоссе на север. Остановился он только, когда увидел первый контрольный пункт, и подождал в укрытии, пока не убедился, что пешеходов не задерживают.

Несколько раз мимо него проезжали автоколонны с вооруженной охраной. Он сходил с дороги и стоял на виду, не пытаясь спрятаться и демонстрируя пустые руки, – так, он видел, делали другие путники.

Ночь он проспал на обочине и проснулся весь мокрый от росы. Дорога впереди поднималась в гору, теряясь в тумане. Порхая с ветки на ветку, негромко щебетали птицы. Он на-

шел палку, повесил на нее чемодан и перекинул через плечо. Два дня он ничего не ел; похоже, он мог голодать бесконечно.

Он прошел примерно с милю, и вот в тумане замерцал огонек и слышались чьи-то голоса. Подойдя поближе, почувал запах жарившегося бекона, и у него засосало под ложечкой. Несколько мужчин грелись у костра. Когда он подошел поближе, они смолкли и уставились на него. Он коснулся рукой берета, приветствуя их, но никто ему не ответил. Он прошел дальше, миновал второй придорожный костер, машины, которые стояли с зажженными фарами, утыкаясь одна в другую, и только тогда ему открылась причина остановки. Поперек дороги лежал на боку небесно-голубого цвета фургон с прицепом, задние его колеса повисли над краем кювета. Кабина у него была выжжена изнутри, кузов почернел от копоти. На фургон налетел грузовик, груженный мешками с мукой – на дороге белели мучные горки. За поворотом, сколько хватал глаз, тянулся хвост колонны. Громко играли два радиоприемника, будто станции старались перекрыть друг друга; откуда-то издалека доносилось жалобное бление овец. К. хотел было набить карманы просыпавшейся мукой, но потом подумал: а что он с ней будет делать? Он шел мимо машин, прошел мимо тягача с овцами – их так плотно набили, что некоторые вздыбились на задних ногах; прошел мимо группы солдат, расположившихся вокруг костра; они и не посмотрели в его сторону. За последней машиной ярко горело два сигнальных огня, а еще дальше на середине до-

роги без всякого присмотра пылал в бочке деготь.

Колонна осталась позади, и К. облегченно вздохнул, радуясь, что никто его не задержал, однако за следующим поворотом из кустов выступил солдат в маскировочной одежде и уставил ему в грудь автомат. К. остановился. Солдат опустил автомат, закурил сигарету, затянулся и снова вскинул автомат. «Теперь, – подумал К., – он целится мне в лицо или в горло».

– Ты кто такой? – спросил солдат. – И куда это ты направляешься?

К. хотел ответить, но солдат оборвал его.

– А ну давай показывай, – крикнул солдат. – Ну-ка, покажи, что там у тебя?

От колонны их не было видно, хотя музыка сюда доносилась. К. снял чемодан с плеча и раскрыл его. Солдат махнул ему, чтобы он отошел, затушил сигарету и одним рывком перевернул чемодан. Все вывалилось на дорогу: голубые войлочные шлепанцы, белое трико, розовая бутылочка с лосьоном, коричневый флакон с пилюлями, желтовато-коричневая пластмассовая сумочка, цветастый шарф, шарфик с фестонами, черное шерстяное пальто, шкатулка с украшениями, коричневая юбка, зеленая блузка, туфли, еще белье, бумажные пакеты, белый полиэтиленовый пакет, жестянка из-под кофе, в которой что-то звякнуло, тальк, носовые платки, письма, фотографии, коробка с пеплом. К. не шевельнулся.

— Где ты все это украл? — спросил солдат. — Ты ворюга, да? Наворовал и удираешь в горы? — Он ткнул башмаком в сумочку. — А ну открой! — сказал он. Потом ткнул в шкатулку, в кофейную жестянку и в коробку. — Давай-давай показывай, — сказал он и отступил в сторону.

К. открыл кофейную жестянку. Там лежали кольца от занавесок. Он подержал их на ладони, потом ссыпал обратно в жестянку и закрыл ее. Открыл шкатулку и протянул ее солдату. Сердце у К. громко забилося в груди. Солдат порылся там, вынул брошку и отступил. К. закрыл шкатулку. Он раскрыв сумочку и протянул ее солдату. Тот зна2ком показал ему, чтобы он высыпал все на землю. В сумочке были носовой платок, расческа и зеркальце, прессованная пудра и два кошелька. Солдат показал на них, и К. отдал ему кошельки. Солдат сунул их в карман куртки.

К. облизнул губы.

— Это не мои деньги, — хрипло сказал он. — Это деньги моей матери, она их заработала. — Он сказал неправду: мать его умерла, она уже не нуждалась в деньгах. И все же... Солдат ничего не ответил. — Зачем война идет, как ты считаешь? — спросил К. — Чтобы отбирать у людей деньги?

— Зачем война идет, как ты считаешь? — кривя рот, передразнил его солдат. — Поосторожнее, ворюга! Думай, что говоришь. Ты Бога благодари, а то валяться бы тебе в кустах, на радость мухам. А еще толкуешь тут про войну! — Он ткнул дулом автомата в коробку с пеплом. — Открывай! — приказал

он.

К. отодвинул на коробке крышку и протянул коробку солдату.

Тот уставился на полиэтиленовый пакет.

– Это что такое? – спросил он.

– Пепел, – ответил К. Голос у него стал спокойнее.

– Раскрой его, – сказал солдат.

К. раскрыл пакет. Солдат взял щепотку пепла и осторожно понюхал.

– Господи помилуй! – сказал он. Глаза его встретились с глазами К.

К. опустился на колени и сложил материнские вещи обратно в чемодан. Солдат стоял рядом.

– Теперь мне можно идти? – спросил К.

– Документы в порядке – можешь идти, – сказал солдат.

К. вскинул палку с чемоданом на плечо.

– Минутку, – сказал солдат. – Ты что, работаешь на «скорой помощи»?

К. покачал головой.

– Эй, погоди-ка, – сказал солдат. Он достал из кармана один кошелек, вытянул из пачки денег коричневую десятку и швырнул ее К. – Вот тебе чаевые, – сказал он. – купишь себе мороженого.

К. шагнул назад и подобрал бумажку. Потом пошел по дороге. Через минуту-другую солдат растаял в тумане.

Нет, он не испугался, думал он. Но все же немного погода

его осенило, что теперь ему нет смысла тащить чемодан. Он поднялся на откос и спрятал чемодан в кустах, оставив у себя только черное пальто, чтобы укрываться им, и коробку с пеплом; крышку чемодана он закрывать не стал – пусть льет туда дождь, пусть палит солнце, пусть, если хотят, заползают насекомые.

Встречные транспорты, как видно, придержали – на шоссе, кроме него, никого не было. Под вечер вдали показался туннель, уводящий дорогу под гору; у входа в туннель стоял постовой. Сойдя с дороги, Михаэл поднялся на откос и стал пробираться сквозь мокрый густой кустарник; в сумерки он оказался на высокой седловине, откуда открывался вид на Эландривер и шоссе, идущее на север. Где-то вдалеке перекликались обезьяны. Ночь он проспал под выступом скалы, завернувшись в материнское пальто и положив рядом с собой палку. На рассвете он снова тронулся в путь и сделал большую петлю на спуске в долину, чтобы обойти стороной мост. По шоссе проехала первая колонна.

Весь день он шел, держась по возможности в стороне от дороги. Переночевал в бунгало у поросшей высокой травой площадки для игры в регби, отгороженной от дороги шеренгой эвкалиптов. Окна в бунгало были разбиты, дверь сорвана. Пол был усеян битым стеклом, валялись старые газеты, на них лежали опавшие листья; в щели стен проросла бледно-желтая трава, под трубами водопровода лепились улитки, но крыша оказалась целой. Он сгреб в угол листья, постелил

на них газеты, но спал беспокойно – порывы ветра и ливень будили его.

Когда он поднялся, дождь все еще шел. От голода кружилась голова. Он встал на пороге и обвел взглядом напитанные влагой зеленые луга и мокрые деревья, туманные седые холмы вдали. С час он ждал, не утихнет ли дождь, потом поднял воротник пальто и выскочил прямо под ливень. В дальнем конце площадки он перелез через изгородь из колючей проволоки и вступил в яблоневый сад, заросший травой и бурьяном. Под ногами валялись источенные червяком яблоки, а те, что висели на ветках, перезрели и подгнили. Черное пальто облепило его, точно кожа, берет размок и сполз на уши, а он все стоял под яблонями, выкусывал чистую мякоть и, глядя перед собой невидящим взглядом, быстро, как кролик, жевал.

Он уходил все глубже и глубже в сад. Повсюду царило запустение. Ему уже начало казаться, что это покинутая всеми земля, но тут яблони кончились и перед ним открылся возделанный участок земли, за которым он разглядел кирпичные строения и рядом тростниковую крышу и белые стены фермерского дома. По участку тянулись аккуратные ряды овощей: цветная капуста, морковь, картофель. Он вышел под проливной дождь и, опустившись на четвереньки, стал дергать из размякшей земли мелкую желтую морковь. «Это божья земля, я не вор», – думал он. И ждал: вот-вот из заднего окна дома щелкнет выстрел, и к нему помчится огром-

ная овчарка. Набив карманы морковкой, он со страхом выпрямился. Он хотел было забрать ботву с собой и разбросать под деревьями, но оставил ее на грядке.

Ночью дождь прекратился. Утром, в промокшей насквозь одежде, К. снова тронулся в путь; живот у него от яблок и моркови вздулся и болел. Заслышав шум моторов, он скрывался в кустах, хотя ему казалось, что теперь, в грязной одежде, исхудавший, он стал похож на бродягу из глубинки, который и понятия не имеет, что нужны какие-то документы; безразличный, вялый бродяга, кому он страшен? Одна из колонн, сопровождаемая эскортом мотоциклов – броневики и грузовики с молодыми солдатами в касках, – ехала мимо него целых пять минут. Он, затаясь, смотрел из своего укрытия; пулеметчик с последней машины, закутанный в шарф, в защитных очках и шерстяной кепке, казалось, на мгновение заглянул ему прямо в глаза, но машина покатила его дальше в Боланд, в ту сторону, откуда шел Михаэл. Спал он под мостом. Утром впереди показались трубы Вустера. Теперь он был не один на шоссе – рядом, в одиночку и группами, шли люди. Быстрым шагом его обогнали три молодых парня, оставляя за собой белые облачка дыхания.

На окраине города дорогу перекрыл полицейский патруль – первый после Парла; вокруг полицейских машин толпились люди. На мгновение К. заколебался. Слева начинались дома, справа был кирпичный завод. Единственный путь к спасению – назад; он шагнул вперед.

– Что им надо? – шепотом спросил он женщину впереди него.

Она поглядела на него и, не ответив ни слова, отвернулась.

Подошла его очередь. Он протянул свою зеленую карточку.

Впереди, там, где стояло два грузовика, он видел тех, кто уже прошел проверку, но сбоку стояла группа мужчин – одни мужчины, – которых охранял полицейский с собакой. «Если я прикинусь дурачком, – подумал он, – может, меня пропустят».

– Откуда?

– Из Принс-Альберта. – Во рту у него пересохло. – Иду домой в Принс-Альберт.

– Разрешение.

– Я его потерял.

– Ясно. Подожди вот тут. – Полицейский показал дубинкой в сторону.

– Мне нельзя ждать, я тороплюсь, – прошептал К.

Может, они учуяли его страх? Кто-то схватил его за руку. Он уперся, как бык перед бойней. Рука из очереди позади него протянула зеленую карточку. Никто его не слушал. Полицейский с собакой нетерпеливо замахал на него, кто-то толкнул его в спину. Последние шаги К. прошел сам и вступил в неволю; его товарищи по несчастью подались в стороны, как будто боялись о него замараться. Он прижал к груди коробку и, оглянувшись, уперся взглядом в желтые собачьи

глаза.

Вместе с полусотней других задержанных К. отвели к железнодорожной станции, дали им холодную овсянку и чай и загнали в стоявший на запасных путях вагон. Двери в вагоне замкнули на засовы, и люди сидели и ждали под охраной вооруженных железнодорожных полицейских в коричневой и черной форме, покуда не прибыли еще тридцать заключенных, которых тоже загнали в вагон.

Рядом с К., у окошка, сидел старик в костюме. К. тронул его за рукав.

– Куда нас повезут? – спросил он.

Старик окинул его взглядом и пожал плечами.

– Какая разница куда, – сказал он. – Или вперед, или назад, больше некуда. Поезда по-другому не ходят. – Он вынул пакетик леденцов и предложил один К.

На запасной путь, свистя, подкатил задним ходом паровичок и, лязгая и дергаясь, сцепился с вагоном.

– Едем на север, – сказал старик. – Тоусрифир.

К. ничего не ответил, и старик потерял к нему интерес.

Паровик вывел вагон с запасных путей, и они поехали по окраине Вустера, где женщины развешивали белье, а дети сидели на заборе и махали им вслед, паровик понемногу набирал скорость. К. смотрел, как поднимаются и повисают, поднимаются и повисают телеграфные провода. Миля за милю тянулись голые, заброшенные виноградники, над ними кружились стаи ворон; паровозик натужно запыхтел – они

въехали в горы. К. пробирала дрожь. В нос лез затхлый запах его одежды, сквозь него пробивался резкий запах пота.

Паровозик остановился; охранник отомкнул двери, и едва они вышли из вагона, стала ясна причина остановки. Дальше паровозик двигаться не мог: на дороге впереди громоздилась целая гора камней и красной глины, которые сползли по склону, прочертив в нем глубокую рытвину. Кто-то по этому поводу высказался, и раздался взрыв смеха.

Они взобрались на оползень и по другую его сторону, далеко внизу, увидели другой поезд; у открытой платформы, точно муравьи, возились люди, скатывая на землю экскаватор.

К. определили в команду, которая работала на дороге неподалеку от завала.

Весь оставшийся день, под надзором бригадира и охранника, К. и его товарищи снимали погнутые рельсы, укрепляли полотно и укладывали шпалы. К вечеру уложили новые рельсы, по которым порожний состав мог приблизиться к языку оползня. Им позволили немного передохнуть и дали на ужин хлеб с джемом и чай. Потом в луче паровозного прожектора люди поднялись на завал и стали его раскапывать. Сначала сбрасывали сверху глину и камни прямо на платформу, потом завал поуменьшился, и пришлось поднимать лопату и закидывать камни через борт. Когда платформу нагрузили, локомотив оттащил ее назад, и те же люди в крошечной тьме разгрузили ее.

Во время перерыва на ужин К. немного пришел в себя, потом опять сдал. Он с трудом поднимал лопату, и когда он выпрямлялся, в спину вступала такая острая боль, что все плыло перед глазами. Он все медленнее и медленнее двигал лопатой, потом сел на насыпь и уронил голову между коленей. Он все сидел, не отдавая себе отчета, сколько прошло времени. Уши словно заложило ватой. Кто-то постучал его по колену.

– Вставай! – произнес чей-то голос.

К. с трудом поднялся на ноги и в слабом свете разглядел прораба в черном плаще и кепке.

– Почему я должен тут работать? – сказал К. Голова у него кружилась; слова долетали откуда-то издалека, как эхо.

Прораб пожал плечами.

– Делай что тебе велят, – сказал он и ткнул К. палкой в грудь.

К. взял лопату.

До поздней ночи они разгребали завал, двигаясь точно лунатики. Наконец их загнали в вагон, они закрыли окна от холодного горного ветра и тут же заснули, привалясь друг к другу на скамьях или растянувшись на голом полу, а в тамбурах тряслись от холода и проклинали все на свете охранники и по очереди лезли в будку машиниста погреть руки.

Обессиленный и продрогший К. лежал, держа в руках коробку. Сосед прижался к нему и обнял его во сне. «Думает, что я его жена, – подумал К., – жена, в постели которой он

спал прошлой ночью». К. смотрел в темное окошко, и в голове билась лишь одна мысль: скорее бы прошла ночь! Потом он все-таки заснул; когда утром охранники отворили дверь, он так заоченел, что еле поднялся на ноги.

Опять им дали овсянку и чай. К. оказался рядом со стариком.

– Ты заболел? – спросил старик.

К. покачал головой.

– Ты не разговариваешь, – сказал старик. – Я думал, ты заболел.

– Нет, я не заболел.

– Что же у тебя такой убитый вид? Это ведь не тюрьма, не пожизненное заключение. Рабочая команда, только и всего. Подумаешь!

К. не мог доесть вязкую, как клей, овсяную кашу. Охранники и два прораба уже ходили между людей, хлопая в ладоши и тыча в них палками.

– Ничего особенного с тобой не случилось, – сказал старик. – Ни с кем ничего не случилось.

И он обвел рукой их всех: рабочих, охранников, прорабов. К. соскреб несъеденную кашу на землю, и они поднялись.

Похлопывая тростью по поле плаща, мимо прошел горбоносый прораб.

– А ну, выше нос, – улыбнувшись, сказал старик К. и легонько хлопнул его по плечу. – Скоро опять будешь сам себе хозяин.

По другую сторону завала наконец-то заработал экскаватор. К середине дня расчистили проход трехметровой ширины, теперь ремонтная бригада из Тоусрифира могла поднимать и укладывать рельсы. Паровозик с северной стороны начал раздувать пары. В измызанной белой форменной куртке, держа в руке пальто и коробку, К. вместе с другими такими же молчаливыми, измученными людьми вскарабкался в вагон. Никто его не остановил. Состав медленно тронулся по однопутной на север; в тамбуре стояли два вооруженных охранника и смотрели на убегающие вдаль рельсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.